

УАС ПРЮБИИ

РАССКАЗЫ
ВЫПУСК 7

Крафтовый литературный журнал «Рассказы»

Олег Савощик

Рассказы 7. Час пробил

«Крафтовая литература»

Савощик О.

Рассказы 7. Час пробил / О. Савощик — «Крафтовая литература», — (Крафтовый литературный журнал «Рассказы»)

ISBN 978-5-00-510416-8

В жизни борьба со злом чаще всего оказывается навязана со стороны. Не вызвана благородными мотивами, не устлана благими намерениями. Для одних она – работа, у других отсутствует выбор. А кто-то приравнивает ее к искуплению. Когда придет время, ни у кого не получится остаться в стороне. Где бы вы ни находились – в мире мстительных призраков, в бесконечном комплексе панельных хрущевок или наверху марсианского купола – нагрянет миг, когда покою придет конец.

ISBN 978-5-00-510416-8

© Савощик О.
© Крафтовая литература

Содержание

Олег Савошик	6
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Рассказы 7. Час пробил

Авторы: Олег Савошик, Графомен, Алексей Сорокин, Сергей Тарасов, Андрей Миллер, Антон Мокин

Иллюстрации и обложка: Абулкин

Составитель: Максим Суворов

Корректор: Дина Рубанёнок

Крафтовый литературный журнал «Рассказы» – это уникальный проект, в котором истории русскоязычных авторов обрамлены рисунками современных диджитал художников. Сами рассказы отбираются редакторским коллективом наравне с таргет-группой, состоящей из читателей журнала. Таким образом достигается максимальные качество и уровень работ.

Крафтовая литература, 2020

Олег Савощик

Обрыв

Стрелки показали начало двадцатого. Меньше трех часов до отбоя. Почти одиннадцать до новой смены. Потом личное время и снова отбой.

Восемь часов работы.

Восемь часов бытовых забот.

Восемь часов сна.

Вчера Самосбор забрал парнишку из сборочного цеха. Значит, к моей выработке накинут еще. Естественно, без доплаты.

Десять часов работы.

Семь часов бытовухи.

Семь на сон.

Глухой удар из глубины перекрытий заставил отвлечься от проклятого циферблата, в котором сосредоточилась вся моя жизнь. Я посмотрел на улицу сквозь заляпанное стекло единственного в блоке окна.

Работа, скука, сон. Иногда вой сирен и щелчки гермозатворов.

Повторить.

Я не жалею, все так живут. Но иногда просто хочется посидеть у окна, покурить, даже если по ту сторону лишь завешенный дымкой бетон да глухая стена в десятке метров напротив.

Затушив бычок о треснувший край подоконника, задумчиво покрутил в руке последнюю пачку. Шершавый, приятный на ощупь картон еще не успел помяться в кармане, яркая наклейка и зазывно торчащий язычок тонкой фольги словно намекали: одной сигареты в такие моменты мало. Но пачка последняя, а ежемесячных талонов на курево ждать четыре дня.

Опять придется стрелять у мужиков или искать барыгу через «ГнилоНет».

Махнув рукой на эту мысль, я снова чиркнул спичкой.

– Ты коммунистом был? – Мужчина, стоявший на коленях неподалеку, достал голову из мусоропровода и повернулся ко мне. – А? Был?

– Я и сейчас коммунист, – бросил я.

Конечно, коммунист, будто у меня есть выбор! А за другие речи можно и от ликвидатора пулю схватить.

– Во! Я и говорю – иные сюда не попадают! Все верили и строили этово, как его? Будущее светлое, равное для каждого. А вон чего понастроили. И сюда попали. Бесконечная хрущевка, где у всех поровну и жизни, и смерти. Ад это, говорю тебе, ад для всякого коммуняка. – Мужик закончил тарабарщину и снова засунул бритую макушку в люк мусоропровода.

Что он там делает, я не знал и, по правде, знать не хотел. Лелик – очередной безумец, проигравший разум в стенах Гигахруща. Работа, сон. Оставшееся время мы либо забиваем рутиной – от хлопот по дому до бессмысленного просмотра передач по ящику – либо задаем вопросы без ответов. Пока наше здравомыслие не сойдет с рельс, утратив последнюю связь с реальностью.

Если Самосбор не опередит.

В коридоре слышались торопливые шаги. Я хорошо изучил этот путь, как и всякий, кто хочет успеть к гермозатворам жилого блока вовремя. Сто метров по обшарпанному полу, направо еще десять. Дверь на лестницу, два проема вверх, еще семьдесят метров. Меньше трех минут на все, и если сорваться с места в первые секунды тревоги – останешься жив.

– Так и думал, что найду тебя здесь. – Дима даже не запыхался. – Серег, у нас ЧП.

Я протянул ему тлеющую сигарету, как раз на одну затяжку осталось. Пускай дым в его легких отсрочит новость хоть на мгновение. Почему я должен знать это сейчас? Не хочу.

Это не сирены, значит, ЧП подождет еще секунду.

– Лифт оборвался.

Вот это действительно хреново. Старые механизмы часто ломались, кабины застревали, а ремонтников порой приходилось ждать неделями. Но обрыв... Починка может затянуться от нескольких месяцев до бесконечности.

С неисправным лифтом плохо, без него еще хуже: следующий только на семнадцатом, а значит, одиннадцать этажей придется топтать пешком. Каждый день.

Но лицо брата казалось серее обычного, и стало понятно – он не договорил.

– Кто там был? – чувствуя мерзкий холодок за ребрами, спросил я.

Из полуоткрытой двери нашей комнаты доносился приглушенный плач:

– Что я мужу скажу? Он в две смены работает, только бы я могла за детьми смотреть.

А я... не досмотре-е-е-ла!

– Ну тише, тише, девочка моя.

– Ведь запрещала подходить к лифту без взрослых!

Решил не мешать им. В потертый халат тети Поли хоть раз да заходила поплакаться каждая женщина нашего этажа. Тетя не откажет, всегда найдет слова, подставит плечо.

Славка и Катя, брат с сестрой, единственные, чей смех слышался в этих стенах. Еще вчера я выходил прикрикнуть на ребят за то, что лупили резиновым мячом в гермодверь нашей квартиры. Какого черта они делали в кабине? Игры играми, но страшилки о несчастных, которые застряли между этажами во время Самосбора, здесь всякий учит с детства.

На кухне Вова ковырялся серыми от пепла пальцами в банке с бычками.

– О! Мужики! Угостите дядю сигаретой, – мужчина вытер руку о свою неизменную тельняшку.

– Пошел в жопу, Вовчик, – огрызнулся Дима.

– Ты че, сука? Ты как с ветераном разговариваешь? Я воевал! – тельняшка вскочил, едва пошатываясь.

Как сюда занесло бывшего ликвидатора с верхних этажей, никто толком не знал. Сам он предпочитал отмалчиваться, а мы не лезли с расспросами. Одни приходят, словно ниоткуда, другие пропадают. Дело привычное.

О прошлом Вовы можно догадываться лишь по химическому ожогу: левая часть лица и шеи превратилась в безобразное месиво застывшей, будто кровь на морозе, плоти. Еще по железяке вместо руки.

– Опять нажрался. – Дима скривился. – Я видел утром Ирку, у нее весь нос распух. Когда ты уже человеком станешь, падла?

– Можно подумать, кто-то здесь остался человеком. Сигарету зажали, – буркнул Вова, усаживаясь на место. Расшатанная табуретка жалобно скрипнула под его задом в дырявых трениках. – Сами вы в жопу идите, щенки. Пиструн еще не вырос, так с дядей разговаривать.

Вовчик мог бы поломать нас с Димкой одной, что говорится, левой. Лично видел, как его протез гнет пятисантиметровые трубы, словно картонные. Но сейчас барыга, видимо, опять запоздал с новой батареей, и железяка бесцельно болталась лишним грузом.

– Вы уже позвонили? – я запоздало спросил Диму, решив больше не обращать внимания на тельняшку.

– Конечно. Ответ – как обычно: бригада будет в течение пяти дней.

– Уверен, что обрыв?

– Сам слышал. Скрежет страшный и этот грохот издали, в самом низу... такое запомнишь. Я со смены вышел счетчики проверить, а мать их рядом была, мусор выносила. Она тоже слышала.

В коридоре стукнул гермозатвор.

Алина разулась на ходу, привычно разбросав по углам обувь, прошла на кухню и уселась на свободную табуретку рядом с хмурым Вовой. Вытянула ноги в драных колготках.

– У-у-у, наконец-то. Как же болят, – выдохнула она. – Опять лифт стал?

– Оборвался, – я покачал головой.

– Ого! Зараза, теперь до семнадцатого пешком топать.

Девушка работает на семидесятом, у нее на одну пересадку больше, чем у меня. Немудрено, что наши первые мысли совпали.

– Лин, там были дети. Славик с Катькой.

– Это плохо, – спустя секундное молчание. – Вы пожарить не грели?

Я всмотрелся в ее лицо, бледное и неподвижное. Большие глаза скрывали за голубизной холодную глубину, темнее шахты лифта. Нет, я не ждал дрогнувших губ, тем более не ждал слез. На этажах редко увидишь сострадание.

Но все-таки что-то неправильное в самом вопросе царапнуло нерв. Почему, Алина? Ты ведь младше меня, ты видела меньше боли, меньше смерти, неужели все, что ты можешь спросить – разогрет ли твой сраный паек?

– Ай, ладно, – девушка встала и прошлепала босиком к холодильнику. Достала тубик биоконцентра. – Так поем. Когда их, кстати, будут доставать?

– Мы не знаем, назвали дежурные пять дней.

– А как они там пять дней просидят, не сказали? – Алина откупорила тубик, выдавила немного смеси в рот и вернулась на табуретку.

– Лин... – Дима подбирал слова. – Если лифт сорвался с шестого этажа, а мы знаем, что там еще минимум один подземный... Падая с семи этажей, никто не выживет, Лина.

– Потому вы и дураки, что позвонили, – подал голос Вовчик. – Эту рухлядь все равно никто чинить не будет, за малыши тоже не полезут. О них вообще можно было промолчать, а мамаша продолжала бы получать усиленный паек за отпрысков...

– Ну ты и урод. – Алина оторвалась от тубика.

Почему мы терпели сожителя нашей соседки, алкаша и дебошира? Вряд ли кто-то сможет ответить внятно. С одной стороны, чем меньше лезешь в дела соседей, тем дольше проживешь. С другой – шансы протянуть на этаже напрямую зависят от всех его жителей.

Ира пахала на двух работах, чтобы обеспечить хахалю, терпела побои, все глаза выплакала в объятиях тети Полины. А потом целовала Вовчика в небритую щеку и щебетала нараспев, какой он хороший. И глаза бы выцарапала, посмей кто донести о дерзком соседе чекистам.

К тому же, когда протез работал исправно, Вовчик порой демонстрировал полезность. Несмотря на пропитые мозги и единственный уцелевший глаз, мужик хорошо разбирался в технике, чинил всякое по мелочи, следил за исправностью гермодверей.

А собранный из говна и палок самогонный аппарат позволял выменивать у спекулянтов весьма полезные штуки для всего этажа. Правда, судя по запаху, дерьмо Вовчик использовал и как сырье для своей выпивки.

– Сама урод! – изящно парировал тельняшка.

– Подождите. То есть вы думаете, они погибли? Но я слышала...

– Что? – мы с братом переглянулись.

– Слышала писк, как плач. Из шахты. Сначала подумала, показалось. Потом решила, что слизь поет или датчики на Самосбор не сработали. Даже принохиваться начала.

– Уверена?

И прежде, чем девушка успела кивнуть в ответ, мы с Димой бросились к гермодвери.

– Слышишь что-нибудь?

Из шахты пахло сыростью и железом. Тусклое аварийное освещение выхватывало из тьмы обрывок троса.

Щелк – и заморгали оранжевые лампочки.

Щелк – и темнота вновь залила колодец.

Щелк...

– Ничего я не слышу. – Луч моего фонарика едва доставал до крыши кабины в самом низу. Вроде целая, а не груды обломков. – Может, ей послышалось?

– А если нет, Серег? Если они выжили? Никто не придет раньше...

Лифтер – профессия уважаемая. И редкая. Никто не знает точно, сколько шахт обслуживает одна бригада: десятки? сотни? И в каждой что-то ломается. Заявка на обрыв будет обрабатываться в штатном режиме. Если дети выжили, есть ли у них столько времени?

– Ау-у! Э-э-эй! Слышите меня? – рвал я горло, но получил лишь эхо в ответ.

Дима смотрел на меня. Старший брат – он ждал моего решения. Знал, всем остальным на этаже плевать. И хотел, чтобы я сказал первым.

Чего хотелось мне? Два часа до отбоя. Десять часов до новой смены. Мои ноги все еще гудят, я голодный, а Лина, скорее всего, сейчас тратит последнюю воду из дневного лимита, и спать придется ложиться невымытым.

Щелк – свет.

Щелк – тьма.

– Веревка в кладовой. Должна меня выдержать. Какая у нее длина? – я чиркнул спичкой. Не время экономить на куреве.

– Метров двадцать, может чуть больше. – Глаза Димы и правда загорелись, или огонек моей сигареты отразился в его зрачках?

– Должно хватить. Но для подстраховки лучше лезть с четвертого.

Самосбор двухцикличной давности – самый крупный на моей памяти. Тогда он длился больше двух суток и спустился с шестого этажа на первый. Еще пару дней ликвидаторы зачищали последствия. Но даже они не смогли справиться с тем, что осталось внизу. Лестничную клетку на трех этажах залили пенобетоном, а вот шахту лифта почему-то не стали трогать: лишь перенастроили управление кабиной, ограничив доступ к зоне отчуждения. Если там и оставались выжившие, об их судьбе можно только догадываться.

По возвращении Дима сразу же зарылся в кладовку – мир вещей, нужду в которых никогда невозможно предугадать: завтра или через тридцать циклов. Железные баночки со всевозможными гвоздями, шурупами, винтиками и гаечками соседствуют с разбросанными в случайном порядке молотками, плоскогубцами, отвертками, гаечными ключами всех видов и железяками неизвестного назначения. А еще заляпанные тюбики с клеем, затвердевшие кисточки, лак и морилка... В углу даже стоят две разошедшиеся доски с загнутыми носами: старожилы называли их лыжами, но все позабыли, для чего они нужны.

– Чем вы там громыхаете? – поинтересовалась тетя из кухни, дымя самокруткой.

Я подошел к плите, сделал глоток прямо из чайника. Щелкнул засов ванной, и мимо прошмыгнула Алина в прилипающей ночнушке на мокрое тело. Я не успел ее рассмотреть, слишком быстро захлопнулась дверь комнаты. Интересно, осталась ли еще вода?

– Полин, ну дай хоть затянуться, – простонал Вовик. Бывший ликвидатор сидел там же, где мы его оставили, и, казалось, дремал, прислонившись к пожелтевшим обоям.

– Что вы задумали? – женщина проигнорировала тельняшку, внимательно смотрела на меня сквозь дым.

– Кабина выглядит целой. Дети могут быть еще живы. – Я допил едва теплую жидкость из носика. – Мы спустимся. Где их мать?

– Я дала ей своего лекарства, поспит на моей кровати, пока муж не придет. – В хриплом голосе Поли пропал даже намек на ту теплоту, с которой она утешала несчастную. – Вы слышали что-нибудь?

– Нет. Алина слышала.

– Ей могло показаться. Скажи на милость, как можно уцелеть при падении с такой высоты?

Я пожал плечами.

– Ловители, – сказал Вова, не открывая глаз. – Под кабиной есть такие штуки, называются ловители. Когда лифт падает, их зубья вгрызаются в направляющие. Все дело в тросе ограничителя скорости...

Вова уже собрался было показывать на пальцах единственной руки, но икнул и передумал.

– Ай, что объяснять тупицам.

– Не сработали твои ловители. Мы видели кабину.

– Пацан, там у всех узлов срок службы двадцать пять циклов. То есть они изнашивались еще при твоей прабабке. Ясен пень, ничего не работает как надо. Поздно схватились, или зубья повырывало, или направляющая посыпалась, да что угодно. Я к тому веду: если не сработали как надо, не значит, что не сработали вообще.

– Не остановили, но послужили тормозом. Оттуда и грохот, – пробормотал я под нос.

– Угу. – Вова встал и поплелся в свою комнату, придерживая правой рукой неработающий протез, чтобы тот не цеплялся за дверные косяки.

– Нашел! – с толстым мотком веревки на плече мимо тельняшки протиснулся Димка. В руке он поигрывал фомкой, из кармана гимнастерки торчала пара ватных перчаток.

– Сядь. – Полина смотрела на меня и обращалась ко мне, будто не ее родной сын нетерпеливо топтал линолеум рядом. – История твоего отца ничему тебя не научила?

– Может и научила бы, расскажи ты мне ее полностью, – огрызнулся я. – Хоть раз.

– Тебе достаточно знать, как все закончилось. Он полез помогать, когда его об этом не просили. И погиб.

Точнее, его расстреляли ликвидаторы. Я невольно покосился на дверь Вовчика.

– Хочешь так же?

– Разве ты не тем же занимаешься, тетя? Помогаешь соседям.

– Помогаю, – женщина затушила бычок. – Помогаю ласковым словом. Советом. Горькой настойкой, наконец. Но не лезу в чертову шахту! Ты понимаешь, что там мог оставить Самосбор? Понимаешь, что ниже четвертого этажа – вечный карантин? И что делают с теми...

– Мама, мы все понимаем! И мы пойдем, – твердо перебил ее Дима. Я мысленно поблагодарил брата за шаг, который она не ждала.

Женщина дернулась, будто невидимый порыв ветра ударил ей в лицо, и тяжело опустилась на свободную табуретку. Достала из недр халата бутылочку с настойкой, капнула пару багровых, почти черных капель на язык. Мы воспользовались заминкой, чтобы уйти.

Я уже собирался захлопнуть за собой гермодверь, как нас окликнули:

– Эй, щеглы! Вы и вправду за малыми полезете? – бритая Вовина башка высунулась из комнаты.

– Тебе какое дело?

– Ты пасть прикрой да сюда идите. Покажу чего.

Берлога тельняшки встретила нас запахом скисших носков. Но даже тусклого свечения телевизора хватало, чтобы разглядеть порядок в комнате. Я похвалил Иру про себя: молодец баба, успевает впахивать за двоих, да еще чистоту поддерживать.

– Вовик, мы торопимся.
– Да щас, погоди ты. – Мужчина встал на колени и вытащил из-под койки пыльный чемодан.

Щелкнули застежки.

– Черт его знает, что там Самосбор оставил. Тебе сгодится.

Я развернул протянутый сверток.

– Халат химзащиты? Откуда? – вытаращился Дима.

Сосед промолчал. Такие носят только ликвидаторы да некоторые сотрудники НИИ. Редкая вещь. Дорогая. Вова, видимо, прихватил с предыдущей работы.

– И что ты хочешь за него? – я подозрительно покосился на бывшего вояку.

– Курить дай.

Я достал из пачки сигарету, положил себе в карман. Остальное протянул Вова. Выжидательно посмотрел на него – слишком уж неравноценный получается обмен.

Тельняшка встал и сразу прикурил. С удовольствием крякнул, сделав две большие затяжки подряд.

– Хочу еще, чтобы внизу вы головой думали.

– Слабо верится, что ты так о нас заботишься, – прищурился Дима.

– А я не о вас, дураках. Слушай. – Вова серьезно посмотрел мне в лицо. На миг его взгляд показался даже трезвым. – Если что-то успело проникнуть в кабину... Присмотрись к детям, прежде чем тащить их сюда. Обрати внимание на любые странности. И проверь слюну.

– Слюну?

– Будет коричневый оттенок, и завтра у малого слизь пойдет из всех отверстий. После завтра на этаже не останется выживших. Это относится ко всем странностям: сыпь, язвы, наросты на коже. Необычное поведение...

Я не стал уточнять, какое поведение считать обычным для напуганного, возможно раненого ребенка.

– Не спрашиваю, получится ли у вас их вытащить. Но очень интересно, хватит ли ума оставить.

– Пошел ты, Вовик... – бросил Дима севшим голосом. Все понимали, тельняшка прав. И от правоты этой становилось тошно.

– Повидайте с мое, салаги, – огрызнулся Вова и сел на кушетку. Прикурил вторую от бычка. С минуту в комнате трещал лишь телевизор.

Минуты. Сколько их так утекает впустую, на сомнения и страхи, когда время действовать?

– Великоват как-то... – я набросил плащ и осмотрел себя.

– Вот дурень. Затягивается же. Здесь и вот здесь. И тут еще. Во-о-от. Другое дело!

Плотная легкая ткань почти не стесняла движения, хорошо прилегая к телу.

– Спасибо, – кивнул я.

– Это с возвратом, ты не думай. – Ударом ноги Вова отправил чемодан обратно под кровать. – И еще: будете трепаться, что это я вам дал, зенки выдавлю!

Щелк – свет.

Щелк – тьма.

«ЖИТЕЛЬ, ПОМНИ! САМОСТОЯТЕЛЬНО ВЫБИРАТЬСЯ В ШАХТУ ЛИФТА ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ!»

Я успел забыть, когда и как эта листовка появилась в кабине. Но каждый раз по пути на работу непроизвольно вчитывался в поблекшие от времени буквы.

Щелк – вдох.

Щелк – выдох.

Воспоминания о спуске ограничились проклятым звуком ламп. Помню, как пришли на четвертый, как Димка вскрыл фомкой двери шахты. Как мы обвязывались веревкой. Дальше лишь высота и дыхание по щелчку. Остается только догадываться, сколько времени я судорожно цеплялся за торчащую из бетона арматуру, которую лишь безумный архитектор этого места мог назвать лестницей, пока брат медленно стравливал веревку руками в толстых рукавицах.

Дрожь постепенно покидала скрюченные пальцы, дыхание возвращалось в норму. Голову мгновенно засыпало вопросами. Разбираться решил по порядку:

– Где твоя сестра?

Слава вжался в стенку кабины, прямо под листовкой с предупреждением, и таранился на меня. Пыль, сопли и слезы смешались в грязные разводы на бледном лице ребенка. Хотел что-то сказать, да, видимо, выражение моей физиономии пугало его даже больше, чем это место.

– Пацан, ну ты чего? Это же я!

– Дядя Сергей! – вот и новая порция слез.

– Ну, не хнычь, – я подсел к мальчику. Он протянул ручонки, вжался в мой халат. – Ты как?

Тихие всхлипы в ответ. Я отстранился, чтобы рассмотреть его получше: коленки сбиты в кровь, на лбу ссадина, будет шишка. Больше ничего, кожа чистая, цвет глаз нормальный. Задрал тонкую рубашку, повернул – тоже чисто.

– Сильно болит?

Отрицательный кивок.

– Где Катя?

– Мы пошли посмотреть этаж. – Славка шмыгнул носом. – У нас быстро кончились спички. Я испугался и побежал обратно... а Катя... заблудилась.

Я заглянул в темноту проема. Уровень этажа оказался всего на двадцать сантиметров выше, чем кабина лифта. Похоже, ловители действительно отчасти сработали, затормозив падение.

– Как вы открыли двери?

– Не мы, – мальчик пожал костлявыми плечами. – Сначала был грохот, потом нас подбросило, Катя даже подбородок разбила. А когда открыли глаза, двери уже так были.

– Ла-а-адно, – протянул я, собираясь с мыслями. – Вот как мы поступим. Я сейчас обвяжу тебя этой веревкой и подсажу к люку, чтобы ты мог выбраться на крышу. Будешь ждать меня там, понятно? А сам пойду искать твою сестру. Если меня долго не будет, кричи наверх и лезь по лестнице. Там дядя Дима, он будет тянуть веревку, и ты не упадешь. Хорошо?

Слава кивнул. Когда я посадил его на крышу, несколько раз щелкнул фонариком, подавая брату сигнал через открытый люк: «все в порядке, жди».

– Я скоро вернусь, Славка, слышишь? Потерпи еще чуток.

Тьма этажа дохнула на меня сыростью. Я постоял с минуту, принохиваясь в попытке различить характерные для Самосбора запахи. Но не заметил ничего подозрительного. Луч фонарика пробежался по низким потолкам и серым стенам. Бетонные кишки узких коридоров расходились от лифта в четыре стороны.

Я прошел в случайном направлении десять шагов. Снова развилка. Не похоже на жилой этаж, скорее подвал с лабиринтом проходов и тесными камерками. Вернулся обратно и пошел в другую сторону. Пока мне не встретилось ни коричневой слизи, ни других последствий Само-сбора. А вот и то, что я искал! Обгоревшие спички станут моими хлебными крошками. Как дети сами до такого не додумались? Им больше не читают сказок?

Сначала до меня долетел звук глухих ударов. Словно кто-то методично бил резиновым мячом о пол. Я даже представил, как скачет грязно-красный шар с двумя синими полос-

ками. Слава и Катя постоянно таскали за собой эту самую популярную в Гигахруще игрушку. Странно только, что девочка решила поиграть сейчас, одна в полной темноте.

Я разобрал тихие всхлипы, переходящие в звонкий смех, будто кто-то пытался плакать и смеяться одновременно. Собрался было уже крикнуть, обозначить себя, позвать, но в горле предательски дрогнул ком. Дух этого места и так обдавал холодом между лопаток, еще и звуки... Шуметь расхотелось.

Я осторожно продвигался вглубь коридора, находя под ногами очередные угольки спичек, пока свет фонаря не коснулся сидевшей на корточках фигурки. Ее плечи едва заметно содрогались.

– Катя?

Девочка оторвала голову от коленок и прищурилась. Я направил луч фонаря в пол и подсел к ней.

– Ты как?

– Мне страшно, я хочу домой. – Тоненький голосок Кати подрагивал, но ее глаза оставались сухими. Похоже, от испуга она даже плакала без слез.

– Это ты смеялась?

– Что?

– Я слышал смех.

– Не знаю.

Показалось?

Девочка отстранилась и заглянула мне в лицо, будто видела впервые.

– Кать, это я, Сергей. Ты чего?

– Забери меня.

– Сейчас пойдем. – Я бегло осмотрел ее. – Ничего не болит?

– Нет.

Похоже, ни царапины.

– Кать, сплюнь, а? – запоздало припомнил напутствие бывшего ликвидатора.

Ребенок хлопал ресницами в непонимании.

– Просто плюнь на пол.

Девочка снова заканючила, вцепилась в мое плечо.

– Забери-и.

Ну и что с ней делать? Ругать? Лезть в рот? Самому хотелось убраться поскорее от бесконечных коридоров, затхлого воздуха и гребаного стука мяча. К свету и людям.

По телу прошла дрожь, застряла в поджилках. До меня дошло, что я не видел рядом с Катей игрушки. Но продолжал слышать в темноте.

– Кать, где твой мячик? – тихо, касаясь губами ее волос.

– Там, – детский пальчик тычет в коридор.

– Кто здесь еще? – не слыша своего голоса, только ровное дыхание ребенка. И мяч.

Прыг-скок. Чуть ближе.

– Не знаю.

Прыг-скок. Еще ближе.

Свет фонарика тонул в бездне, коридор казался бесконечным.

Прыг.

Рывком закинул Катю на плечо.

Скок.

Еще рывок. До поворота. По сгоревшим спичкам, дальше, бегом!

Прыг-скок. Отчетливо, громче моего тяжелого дыхания.

Оранжевая вспышка впереди – аварийный сигнал шахты и наше спасение. Я успел забыть, что кабина ниже, влетел на полном ходу, едва не разбив головы себе и своей ноше.

Дима со Славкой кричали сверху. Оказалось, мальчик уже успел подняться самостоятельно. Детей легко напугать придуманными страшилками, но куда более очевидных опасностей, вроде большой высоты и расшатанной лестницы, они порой будто не замечают.

Лезть обратно оказалось проще, чем спускаться. Даже с вцепившейся в спину девчонкой, крепко привязанной ко мне веревкой. Хрупкое Катино тельце, почти невесомое на руках, к середине пути отчетливо дало о себе знать. То ли тяжесть в мышцах и сильнейшая отдышка отвлекали от пропасти за спиной, то ли засевший в ушах стук невидимого мяча гнал выше похлеще тревоги Самосбора.

На четвертом этаже стук остался – то была кровь мне по вискам. Как только Димка поднял нас и отвязал ребенка, я лег на месте, прямо на грязный пол. Прислушивался, как боль от спины и плеч растекается по всему телу.

Рядом сидел Слава, он больше не плакал. Обнимал сестру, покачивая, как младенца. Катя не сопротивлялась, лишь молча оглядывалась по сторонам. В сосредоточенном взгляде не читалось страха. Мальчик снова качнулся, из его кармана звякнуло о пол что-то металлическое.

– Это что такое? – Дима поднял жестяную банку, покрутил в руках. – Липкая какая. В солидоле, что ли?

– Мы внизу нашли, в комнате. Там таких до потолка! – Славка даже руки вверх вытянул.

Я приподнялся, чтобы лучше осмотреть находку. Этикетки нет, лишь выдавленная на металле надпись:

ГОСТ 5284-84/4

«ВСТУПАЙ В РЯДЫ ЛИКВИДАТОРОВ! БУДЕМ БОРОТЬСЯ С ПОСЛЕДСТВИЯМИ САМОСБОРА ВМЕСТЕ!»

Человек в противогазе одной рукой держит рукоять огнемета, другой прижимает к себе растрепанную девчущку. Никто никогда не видел людей, развешивающих плакаты, листовки, подбрасывающих буклеты. Равно как никто не знает их художников. Новые листы появляются регулярно, а старые не снимают, пока рисунок не выцветет настолько, что его уже нельзя будет прочесть. Или пока хулиганы не пустят на самокрутки.

Этот появился на лестничной клетке совсем недавно, и теперь каждый день мне придется встречаться с нарисованным бойцом Гигахруща. Образом защитника и палача.

Ноги гудели после рабочей смены. Впереди еще несколько часов перед ящиком, еда и сон, чтобы завтра все повторилось. Ход вещей, который ничем не изменить – даже след вчерашних событий померкнет в наших головах под гнетом рутины.

Мать спасенных сбивала колени о драный линолеум прихожей, пыталась поймать наши с Димкой руки, чтобы осыпать поцелуями. Отец минут пять ломал мне кости крепким рукопожатием, позже он даже занес блок сигарет и литр разведенного спирта, который выдают всем работникам с реактора. Пить сложно, но всяко лучше, чем бодяга Вовчика.

Славка сказал, что когда вырастет, хочет быть храбрым, как дядя Сергей. А мне, храбрецу такому, хотелось сбежать ото всех на четвертый, к своему подоконнику. Припасть щекой к окну, выдавить лицом холодное стекло...

– Это что, тушенка? – Дима пялился на вскрытую ножом банку. Найдку брат решил оставить себе, здраво рассудив, что странные жестянки детям ни к чему.

О тушенке мы слышали лишь в детстве из баек стариков, но мало кто верил, что она действительно существует.

– Это можно есть? – я осторожно ковырнул рыжеватую массу. Желудок заурчал, поддакивая: нужно.

Четверо за одним столом: я с братом, тетя и Алина; словно адепты тайного культа, слепые фанатики, жадно тянущиеся к лику своего божества, мы с той же жадностью вдыхали запах мяса, рассевшись вокруг открытой консервы. И, кажется, прошла вечность, прежде чем один из нас решился протянуть ложку.

Пока Ира отсыпалась после суток, а Вова дрых после очередных возлияний, пока в квартире напротив счастливые родители укладывали спать вернувшихся детей, а весь этаж проверял надежность гермозатворов перед сном, мы смаковали каждый кусочек из такой маленькой для четверых консервы, пока на жести не осталось даже крошечной капли жира.

Вчера мы пили спирт и заедали тушенкой. И готов поклясться, в глазах каждого читалось нечто большее закорневшей тоски.

Этаж встретил меня запахом и шипением сварки. Я обогнул шахту лифта: на закрытых дверях висела табличка «НЕ ОТКРЫВАТЬ». Подумал, что на остальных этажах, скорее всего, то же самое, и с содроганием погнал от себя мысль: табличка не остановит нечто, если оно захочет выбраться.

За углом сварщик в маске и рабочем комбинезоне приваривал железный щит к нашему АВП-11 – аппарату выдачи пайков. Неподалеку прислонился к стене щуплый мужичок с редящими волосами, зачесанными назад. На вороте его кожанки поблескивал значок со скрещенными молотом, серпом и штыком.

Сотрудника ЧКГХ, Чрезвычайного Комитета ГигаХрущевки, каждый из жителей хотел бы встретить на своем этаже в последнюю очередь. Еще меньше – у себя на пороге. К счастью, в действительности мало кому доводилось увидеть чекиста, но, благодаря дурной славе, слышал о них каждый.

Взгляд мужчины из цепкого стал насмешливым, словно поддразнивая: «пройдешь мимо, трусливо уткнувшись в пол, или осмелишься спросить?»

– Что происходит? – решился я.

– Временная мера, – тонкие губы незваного гостя растянулись в улыбке. – Этаж лишается доступа к продовольствию.

– По какой причине? – мне удалось выдать с хрипом, во рту разом пересохло. – И насколько временная?

– Недельки две, думаю, хватит. А вы случайно не из квартиры сто сорок шесть дробь семнадцать семьдесят девять? Дмитрий, верно?

– Сергей. Дима – мой брат.

– Ах да, верно! – мужчина хлопнул себя по лбу. – Дима выше, шире в плечах, да и волосы его светлее. Родинка на шее... как я мог перепутать?

Он играл со мной, хотел продемонстрировать осведомленность.

– Единственная коммуналка на пятьдесят этажей, подумать только! Не тесновато? Соседи не беспокоят?

– Все хорошо, спасибо, – процедил я, не отводя взгляд. – Вы не ответили на второй вопрос.

От собственной наглости подгибались колени, но чекиста, кажется, она лишь забавляла.

– Причину вы сами знаете. Знаете ведь? Вижу, что догадались. – Мой собеседник в один миг подобрался, и от его голоса потянуло холодком. – Были нарушены условия карантина. Кто-то спустился в шахту. Кстати, не поделитесь, кто бы это мог быть?

Я молчал и лишь задавался вопросом: как? Не то что бы доносы считались редкостью – ради усиленного пайка люди порой готовы заложить даже членов семьи, но тяжело осознавать, что крысиные лапки скребут именно на твоём этаже.

– Не мучайте себя подозрениями, – кожанка словно прочитал на моем лице. – Их мать сегодня отвела детишек в медблок проверить состояние. Там она очень убедительно врала,

что не знает, как дети выбрались из шахты. Мальчик утверждает, что поднялся сам, девочка молчит. Но я нахожу это очень подозрительным. Итак, мне спросить снова?

В руках мужчины блеснул портсигар.

– Понятия не имею, – я пожал плечами. – Никого не видел.

– Спички не найдется? – спросил он с зажатой в зубах сигаретой.

Я демонстративно похлопал себя по карманам, в штанах брякнул коробок.

– Нет.

Наверное, если бы Поля увидела мои глупости, надавала по шее.

– Жаль. – Сигарета вернулась в портсигар.

– Что сказали в медблоке? О детях.

– Первичный осмотр не выявил отклонений. Осталось дожидаться анализов. В интересах всего этажа, чтобы с ними все было в порядке.

– Но если с детьми все хорошо...

– Доподлинно мы этого не знаем. Последствия Самосбора могут проявляться по-разному.

– Но если будет все хорошо, то в чем проблема? Им нужна была помощь, работники не стали бы таким заниматься, ваши ликвидаторы тоже...

– Я все понимаю, – мужчина примирительно поднял руки. – Видите ли, с одной стороны, спасителей надо представить к награде. С другой стороны, я считаю правильным отправить их на расстрел. В любом случае данный инцидент не может остаться без внимания. Пока обойдемся средней мерой.

Он показал на заваренный АВП. Работник уже закончил, даже успел сложить инструмент, и теперь ждал окончания нашего разговора, оставаясь сидеть в маске.

Две недели. Четырнадцать суток паек можно будет получить только на обеденном часу в столовой. При трехразовом питании можно чувствовать себя сытым день. Двух порций едва хватает, чтобы восполнить силы. Как протянуть на одноразовом питании рабочую смену и оставшийся день, я не представлял. Безработным придется еще хуже.

– На этаже восемнадцать человек, дети опять же. Почему наказывают всех?

– А то, дорогой товарищ, круговая порука. – Он подошел вплотную, похлопал меня по плечу. – Иногда, знаете ли, она мажет. Как копать.

Кожанка кивнул работнику и пошел к лестничной площадке.

– Если вдруг будут мысли, кто лазил в шахту, наберите сами знаете куда, – бросил он на ходу. – Спросите Олега Главко.

Когда за уходящими закрылись двери, я посмотрел на часы. Время ужина.

– Сука!

– Заходят как-то коммунист, капиталист и социалист в рюмочную...

– Лелик, помолчи, – резко обрезал Дима. – Дай подумать.

Мы курили на подоконнике четвертого этажа и старались не замечать дурачка, копошившегося в углу.

В чем разница между этим психом и теми, что отдают идиотские приказы? Один нюхает мусор, другой может расстрелять тебя за неповиновение. Мысли об отце снова захватили меня. Я почти не помнил его. Знал лишь, что он погиб из-за очередного дурацкого приказа «сверху».

Интересно, насколько сверху? Сколько лифтов нужно сменить, о сколько лестничных проемов стоптать ноги, чтобы встретить их? Тех, кто отдает приказы ликвидаторам, чекистам, дружине... Есть ли там хоть кто-нибудь?

Одно я знал точно: однажды это место погубят не дефицит, голод и равнодушие. Не плесень, не жуткие твари из заброшенных коридоров. Даже не Самосбор. Это будут идиоты.

С братом мы бежали от суматохи, которая воцарилась на шестом.

– ...Шесть тюбиков биоконцентрата, кило сухарей, четыре сухих брикета, – тетя Полина пересчитывала наши скромные запасы. – Если разделить на троих минимальными порциями, хватит на четыре дня максимум. Что делать дальше, я не знаю.

Она замолчала, поставила точку. Помню, как смотрел на нее и ждал хоть слово. Обвинения в предстоящей голодовке? А может, мне хотелось услышать, что мы все сделали правильно, все не зря и того стоило? По лицу этой женщины никогда невозможно понять, гордится она тобой или упрекает. Поля молчала.

Дима сидел на краю табуретки, грыз губы и думал о чем-то своем.

– Нам авэпэшку заварили? – В квартиру влетела растрепанная Алина. – Что происходит-то, а?

Девушка, не разуваясь, бросилась к холодильнику, достала пару тюбиков биоконцентрата.

– Это все, что у меня есть. – Глаза ее остекленели. – И на работе аппарат сломан, через раз талоны зажевывает.

Казалось, Алина вот-вот расплачется, но уже спустя секунды подступающие к глазам слезы испарились от жара вспыхнувшего в зрачках злобного огонька.

– Сволочи! И кто такой этот Олег Главко, побери его Самосбор? – Девушка достала из кармана сложенный листок с призывом выдать нарушителей карантина. Оказалось, такие подбросили в каждый почтовый ящик на этаже.

Я кратко повторил рассказ о встрече с кожаной курткой. Алина скомкала бумажку и бросила в урну.

– В жопу пускай себе засунет. – Села на табуретку, привычно вытянула уставшие ноги. – Придется опять глазки Петру Семенычу строить. Это с работы моей мужик. Он хороший, запасливый. Подкармливает меня. И квартира у него просторная. Как жена его умерла, так он в ней один живет. Что?

Девушка осеклась, заметив наши взгляды.

– Я ему руки распускать не позволяю! Друзья мы, – и почему-то с вызовом посмотрела на меня.

– Чем тут так воняет? – опомнился Дима. – Вова, мать твою!

Из Ирининой комнаты в одних трусах вышел бывший ликвидатор, стрельнул у меня сигарету и застучал дверцами кухонных шкафчиков. Протез его продолжал болтаться бесполезной железякой.

– Отвратительно, – скривилась Алина от вида рваных семейников.

– Ага, – буркнул Вова, отыскав металлическую воронку. – У меня там бутылка на подходе. Десять литров! У барыг на жратву сменяю, так что мы с Иришкой протянем. А вы тут с голоду пухните и даже не просите потом. Догеройствовались, мать вашу.

А затем из коридора послышалась первая ругань.

...Пока я пялился в окно, Димка закурил третью. Подумать только, это я посадил старшего брата на сигареты.

Мы думали об одном: на что пойдут люди в условиях дефицита. И дело даже не в Алене или Вова, я не брался их судить. Большинство остальных тоже выкрутятся, приспособятся к тяжелым временам, как это обычно бывает: затянут потуже пояса, пойдут побираться или одалживать по другим этажам, у родственников или знакомых, будут выменивать пайки на последние сбережения у барыг с ГнилоНетом. Но найдутся те, кто плюнет на это и начнет искать

виноватых. А после, преодолевая спазмы голода, потянутся к телефонной трубке. С надеждой, что хотя бы им уж точно сделают поблажку. Вот только поблажек не будет.

Сколько у нас времени, прежде чем терпение соседей кончится? Пара дней? Неделя? Уже сейчас, возвращаясь с работы, голодные и уставшие, они видят заваренный аппарат и руки сжимают найденную в почте бумажку от Олега Главко.

– Итак, кто еще кроме наших знает? – я решил, что пора озвучить общие мысли.

Тетя отпала сразу. Вовик с Ирой тоже вне подозрений, им не с руки связываться с чекистами. Мы до сих пор не знаем, насколько легально тельняшка проживает в этой квартире. Алина? За последние пять циклов нам вроде удалось поладить. Хотелось бы верить, что для нее это что-то да значит.

– Если только мелкие. Ну и родители их, конечно, – пожал плечами Дима.

Здесь сложнее. Как предсказать, во что может обернуться их вчерашняя благодарность, когда детей станет нечем кормить?

– Пока ты ждал с веревкой наверху, тебя кто-нибудь видел?

– Ну-у-у... Только этот ошивался. Он всегда здесь ошивается.

Мы посмотрели на Лелика. Тот сосредоточенно ковырялся в носу, не обращая на нас внимания. Еще один ненадежный язык.

– Надо что-то делать, – Дима подвел черту. Сказал с такой уверенностью, будто уже знал, как нам достать еды на ближайшие две недели. В идеале – для соседей тоже. Жующие рты меньше болтают.

АВП-11 стояли почти на каждом жилом уровне, но встроенный ограничитель не позволял использовать их по талонам с других этажей.

– Мужики на работе болтали, что кому-то удавалось обойти ограничение по талонам. Может, наш однорукий ликвидатор знает больше?

– Сам в это веришь? – Дима усмехнулся. – И в то, что он станет нам помогать? Снова?

– Нет.

Четвертый и пятый отпадали сразу, с ограничителем они сами едва могут прокормиться. Забираться выше седьмого, туда, где никого не знаешь, слишком опасно, к тому же вызовет лишние подозрения.

– Седьмой? – предложил я без особого рвения.

Единственный этаж на моей памяти со сломанным аппаратом, который выдавал пайки по любым талонам.

– Ага, и от Сидоровича пулю схватить. У него ж обрез!

В Авэпэшке на седьмом можно не только получить паек с талоном другого этажа, но и вообще с любым: просроченным, дефектным и даже, поговаривают, поддельным. Чем в свое время не постеснялись пользоваться все кому не лень.

Пока один из местных, полоумный старик Сидорович, не прикрыл лавочку для всякого рода сомнительных личностей, которые, бывало, даже из других блоков приходили к чудомашине. Дед забаррикадировал этаж, пропуская лишь его жильцов, и с завидной точностью отстреливал остальных. Где он взял ствол – оставалось загадкой.

Димка встал с подоконника, прошелся вперед-назад, нервно вытирая ладони о штаны. Замер в нерешительности.

– Есть ведь еще вариант, правда? – наконец он посмотрел на меня.

Я ждал, пока брат разовьет мысль.

– Зачем нам бегать по этажам в поисках пары тубиков безвкусного месива? Если внизу ждет куча таких баночек с тушенкой! Ты же слышал, что сказал Славик. До потолка!

«Прыг».

– Нет, – отрезал я.

«Скок».

– Но почему?

– Дима, ты совсем дурачок? Мы из-за этого и оказались в заднице. А ты хочешь попасться еще и на контрабанде, чтобы наверняка?

– А какой у нас выбор? Тараканов жарить? Рано или поздно все-равно кто-нибудь съест. Так хоть можно было бы жратвы на всех натаскать.

– Внизу опасно, Дима! – я втолковывал прописные истины, как ребенку. – Один раз повезло, но это не значит, что фартанет дважды. Там... там точно что-то было.

Димка молчал, тревожно покусывая губы. Конечно, я ему рассказал то, о чем умолчал перед другими. Всегда рассказывал. Доверял брату все свои страхи и обиды. Свою боль. Он единственный, кому было до них дело среди этого бетона и грязи.

Я рассказал и о звуке мяча, будто гнавшемся за нами по темным коридорам, и о том, что лифт упал ниже, чем мы думали. Никто из нас не подозревал о существовании минус второго этажа до вчерашнего дня. Даже в кабине кнопки с таким номером попросту не существовало.

– Больше в подвал ни ногой, – твердо повторил я.

– Спустимся вместе.

– Ага. А на подстраховку кого поставишь? Лелика?

– Да сдалась нам та веревка! – отмахнулся Дима. – По этой лестнице даже ребенок поднялся! Проще простого.

Я вспомнил шахту и поежился.

– Это очень, очень глупая...

– Да ты послушай! Выйдем после отбоя, так точно никто не заметит. Спустились, набрали тушенки по-быстрому – и обратно. Сами сыты и других накормим, а то и сменяем на что полезное, если останется. Заживем по-человечески!

Я подумал об Алене. О дрожащих руках, сжимающих последние тюбики биоконцентрата. О ребятах, которые вчера спаслись, а завтра будут голодать.

Потом перед глазами стала черная кожанка чекиста.

– А с тварью той... Ну, надо оружие достать.

– Оружие? – я еле сдержался, чтобы не рассмеяться.

– Как думаешь, удастся договориться с Сидоровичем?

– Дима, ты меня пугаешь, – я пристально всмотрелся в брата. В его глазах вновь зажглись угольки, и озорное пламя, казалось, плясало все безумнее с каждой новой идеей.

– Деда? Деда Сидор? – Лелик вылез из своего угла.

– Ну да, мужик с седьмого этажа. Знаешь его? – обернулся к умалишенному Дима.

– Как не знать? – удивился Лелик. – Он тоже коммунистом был, до того как сюда попал.

И дедом моим, да.

Мы с братом переглянулись.

– А можешь нас отвести с ним поболтать? Да так, чтобы он не пристрелил нас из ружья своего? – подался вперед Дима.

– А ты, часом, не шпиён? – прищурился Лелик.

– Как можно, товарищ! – с напускной обидой воскликнул брат и широко улыбнулся. –

Ну так как?

– Тогда пошли. С нашим человеком поболтать – это оно правильно.

– Ну что? Решайся! – Дима потрепал меня по плечу.

Я снова вспомнил отца. И слова Полины отозвались эхом в голове: «Хочешь закончить, как он?».

Я помотал головой.

– Ну и сиди тут, раз ты такой трус! – вспылал Дима. – Пялься в свое окно, вот только там ничего нет и не будет. Слышишь? Хоть глаза все высмотри, туда не сбежать. А я сам справлюсь.

Еще минуту я слушал удаляющиеся шаги в коридоре, снова чиркнул спичкой.

– Твою ж...

– Короче, товарищи. За вас внучек поручился, но и я в благородство играть не буду.

Сидорович смотрел через узкую бойницу импровизированной баррикады – беспорядочного нагромождения полуразобранных шкафов, драных кресел и прочей ломаной мебели, о первоначальном назначении которой порой сложно было догадаться. Заставленный рухлядью коридор не казался бы такой грозной крепостью без обреза в руках старика. Дуло продолжало смотреть между нами, и это напрягало.

– Первое: на этаж никого не пропущу, даже не просите. Голодовка – проблема шестого. А по теме вашей подсоблю. Хрен его знает, на кой ляд вам ствол сдался, но я в чужие дела не лезу. Хотите убить кого-то, значит, есть за что. Чем расплачиваться будете?

– Жратвой! – выпалил Дима.

– Жратва у меня есть, в отличие от вас. – Сидорович усмехнулся в пожелтевшие усы.

– Я сейчас не про пайки говорю, а про кое-что совершенно другое. Сделаем дело и увидишь. Гарантирую, тебе понравится!

Хотелось пнуть разболтавшегося брата под ребра, но черные провалы ствола отбили желание дергаться.

– Допустим, – хмыкнул Сидорович спустя минутную паузу. – Это за патроны. Но за ствол хочу нечто более весомое.

– Да нам на время только.

– Тогда залог. Ценный, – не унимался дед.

– Как-то это капитализмом пахнет. Разве мы не должны делиться? – ляпнул Димка.

– Да я вам патроны готов под честное слово отдать, разве то не по-товарищески?

Я уже трижды проклял эту затею и этот разговор. Снял часы и протянул старику.

– Автоподзавод, корпус нержавейка, стекло композит – ни разбить, ни поцарапать. Воды не бояться. Циферблат на двадцать четыре часа. Стрелки фосфорные.

– Ого, вещь! – у Сидоровича загорелись глаза. Он сразу примерил часы на руку. – А это что за стрелка?

– Таймер. Уже заведен на три минуты. Как слышишь сирены, нажимаешь кнопку и видишь, сколько у тебя осталось времени до Самосбора.

– Где надыбал такие?

Я промолчал. Единственная память об отце, представителе одной из самых редких в Гигахруше профессий часовщика. Часы, как единственный способ отделить рабочую смену от времени отбоя, всегда пользовались спросом.

– Это залог, – уточнил я твердо. – С возвратом.

Я ненавидел их как символ цикличности собственной жизни. Но представить себя без отцовских часов не мог.

– Ладно-ладно, – пробурчал Сидорович. – Вернете пушку, оплатите патроны, и получишь свой механизм обратно. Минуту обождите.

И скрылся среди заграждений.

– Лелик, а ты тоже здесь живешь? – спросил Дима у нашего психа. Весь разговор тот молча отколупливал краску цвета засохших соплей от стены.

– Угу.

– Так, а чего на четвертом тогда ошиваешься?

– Там их лучше слышно.

Я вспомнил, как Лелик засовывал голову в мусоропровод. Сложно сказать, куда попадают отходы после... В подвал или даже ниже?

– Кого? – спросил я тихо.

– Известно кого! Тех, кто живет на нижних этажах. Они вечно что-то бормочут неразборчиво. Но ничего, однажды мне удастся подслушать. Проклятые капиталисты!

– Тьфу на тебя! – Дима сплюнул.

– Все еще хочешь туда лезть? – я серьезно посмотрел на брата.

Конечно, я пошел за ним. Мы все и всегда делали вместе. Огробали тоже. Дурак погубит себя, и, раз уж не получилось его отговорить, проще сгинуть за компанию, чем смотреть потом в глаза Полине.

Сидорович вернулся с еще одним обрезом и коробкой патронов.

– Старый ты черт, у тебя еще есть? Я думал, ты свой отдашь, – восхитился Дима.

– Держи карман шире! Пользоваться хоть умеете? Давай покажу.

...Славку мы встретили на лестничной площадке, где он разрисовывал пол кусочком мела.

– Почему ты играешь один? – поинтересовался я.

– Катка болеет, – отмахнулся мальчик. – Ой, а что у вас за пазухой?

– Ничего, малец. – Дима плотнее запахнул гимнастерку, скрывая обрез. – Болеет? А что с ней?

– Так мама говорит, я не знаю.

Я присел на корточки рядом.

– А Катя ничего не рассказывала после вчерашнего? Она видела внизу... кого-нибудь?

– Не, она вообще со мной не разговаривает. Лежит и пялится в одну точку. – Слава пожал плечами.

Мы попросили нарисовать, где он нашел консерву. Оказалось, действительно недалеко, буквально два поворота от лифта до нужного помещения. Дима приободрился.

– Вы снова хотите спуститься? Дядя Сергей, возьмите меня с собой. Я больше не испугаюсь, честное слово! Я вам дорогу показывать буду.

– Спасибо, дружище, ты и так помог. А теперь для тебя еще одно задание. – Я придвинулся ближе к ребенку и заговорщицки зашептал: – Охраняй сестру, ты ей нужен. А еще о нашем разговоре ни слова, даже маме с папой. Понял?

Мальчик кивнул трижды, видно, для убедительности.

– Это будет наш секрет, как у партизанов. Знаешь, кто такие партизаны? Нет?

По правде говоря, я и сам не знал, слышал лишь обрывки баек, из тех, что рассказывают старики после кружки самогона. Из тех, в которых ничего не понятно и ничему не веришь.

– Вот вернется Серега и расскажет. – Дима потянул меня за руку. – Пойдем.

Мы дождались отбоя на кухне, гоняя кипятком. По очереди сыграли с Алиной в шашки и даже выпили по чарке с расшедрившимся Вовчиком его отвратного пойла. Собираться стали быстро и тихо, понимая, что второй раз от Полины нам так просто не ускользнуть. К счастью, тетя вновь была занята утешением нашей соседки.

– ...я чувствую, понимаешь? Будто не моя больше дочь. Она не говорит со мной, ничего не кушает, не спит... Правда, даже глаз не сомкнула, а ведь уже сутки прошли! Смотрит только, внимательно так, пронзительно.

Обрывок разговора долетел из комнаты, пока я проверял вместимость наплечных мешков.

– Ну ты сама подумай, какого страху там девочка натерпелась, – тихий голос Полины, казалось, может обволакивать собеседника. – Сколько времени провела одна в темноте. Дай ей время. Вы сейчас очень нужны своей дочери. Вы с мужем и Славик. Будьте рядом и будьте терпеливы. Давай я тебе еще накапаю.

– Это не самое странное, – голос женщины стал приглушеннее, пришлось дышать через раз, чтобы расслышать отдельные слова. – Помнишь платице ее, то, серенькое? На днях она прожгла в нем дыру спичкой, случайно уронила на подол. Я заштопать не успела. А теперь нет ее, дыры той. А я точно помню... Мне кажется, что с ума схожу.

Всю дорогу до четвертого этажа у меня не выходило из головы легкое платье девочки, прикрывающее тощие коленки. «Сначала был грохот, потом нас подбросило, Катька даже подбородок разбила», – сказал Славка в лифте. Но я не помнил ни единой ссадины на лице девочки.

И лишь скрип открывающихся дверей шахты оторвал меня от странных мыслей. Аварийное освещение больше не горело, теперь в проеме нас ждала лишь тьма.

– Готов? – в притворной бравате Дима похлопал меня по спине.

Нет.

В первую очередь мы сделали то, о чем я не додумался в прошлый раз – включили свет. Бегло изучив тянущиеся по стенам кабели, Дима потянул меня за собой.

– Смотри. – Он показал на железную коробочку, спрятанную между вереницей проводов. Такие встречались через каждые пять-десять шагов. – Это датчики на Самосбор. Только на этажах их в стены прячут, а здесь решили не заморачиваться.

Рубильники обнаружили уже за первым поворотом. Но тусклое свечение ламп не сделало это место привлекательней, потолки бетонного лабиринта словно опустились еще ниже.

А вот полагаться на маршрут Славы было ошибкой. То ли света спичек оказалось недостаточно, то ли страх заставлял бежать не разбирая дороги, но мальчик перепутал повороты.

Мы осторожно шли по бесконечным коридорам, стараясь не создавать лишнего шума. Осматривали каждое помещение, что встречалось по пути: в пустых проемах лежала только пыль. Когда мы нашли место с разбросанными на полу огарками спичек, я почувствовал, как натягиваются тяжелые канаты внутри. Прислушался, пытаюсь уловить знакомый стук.

– Проверим еще несколько и поворачиваем, – тихо сказал я. Уходить слишком далеко от лифта не хотелось.

Дима лишь крепче сжал обрез и упрямо двинулся вперед. Что ж, иногда упрямство действительно вознаграждается.

Та комната отличалась от других размерами и казалась просторней, несмотря на стройные ряды стеллажей.

– Да тут на весь блок хватит... – мы, затаив дыхание, осматривали полки, забитые блестящими консервами.

ГОСТ 5284-84/4

ГОСТ 9936-76/4

ГОСТ 2903-78/4...

Полдюжата ничего не говорящих нам обозначений и ни одной этикетки. Я с ужасом представил, сколько ходок нужно сделать, чтобы унести хотя бы половину.

– Предлагаю взять каждого вида по одной, а остальных набрать уже знакомого тушняка. – Дима гремел банками, набивая рюкзак. От предвкушения сегодняшнего пиршества наши желудки урчали в унисон.

Сложно описать чувство, переполнявшее нас в тот момент. Наверное, нечто оставленное в далеком детстве, за границей обыденной серости. Нечто настолько непривычное, из-за чего мы не сразу заметили лежащее буквально в паре метров тело.

– Сергей! – Дима увидел первым, толкнул меня.

Обглоданные кисти тонких рук, торчащие осколки ребер, разбросанные рядом ошметки кожи со слипшимися от засохшей крови пучками волос и разорванное серое платье...

От едва уловимого, чуть сладковатого смрада в голове разом потяжелело, а желудок скрутило судорогой. Я наклонился, но рвать было нечем, лишь капли мутной жидкости обожгли горло и нос, стекли по губам.

– Да как так-то? – Дима метался между стеллажами, срываясь на крик. – А? Да я же своими глазами... Мы с тобой вместе! Что за тварь могла сделать такое с ребенком?

В сердцах он ударил кулаком полку, отчего несколько консервов с грохотом упали. Не помню, чтобы видел брата настолько злым.

Когда мне удалось отдышаться, все мысли вытеснила одна: что я притащил наверх, в квартиру напротив?

– Дима, бежим... – тихо сказал я, наблюдая за растекающимся на потолке пятном.

Брат не услышал, продолжал сыпать проклятиями и пинать ногами жестянки.

– Быстро! – не смог сдержаться, сорвался на крик. – Смотри!

Коричневая слизь проступала сквозь бетон. Никогда не слышал, чтобы эта дрянь могла так прятаться. Но сейчас она стекала со стен, заливала с потолка стеллажи, покрывая консервы толстым слоем. Еще несколько секунд, и нас тоже затопит.

Мы подхватили набитые мешки и одним порывом бросились к выходу, когда ближайшая к нам лужа вскипела. Я в последний момент успел прикрыть брата. Услышал, как брызги барабанят в спину, словно из лейки о занавеску душа.

Нужно пообещать себе достать для Вовика побольше курева за химхалат, который мы так удачно забыли вернуть.

Возвращались без разговоров, не оглядываясь на пропавшие запасы. Дима смотрел под ноги, из прокушенной губы по подбородку текла кровь. Крик нагнал нас из-за поворота.

– Дядя Сергей! – Славик бежал к нам, шлепая драными сандалями. – Мы с вами хотим! За ним молча шла... Катя?

– Что вы здесь делаете?

– А я уже не боюсь, честно-честно! А Катя предложила поиграть и мячик наш найти. Вы нам поможете? А вы нашли свои баночки? Можно мы с вами поищем? – Славик запинаясь, торопясь выговориться.

– Не приближайтесь, твари! Ни шагу! – Дима вскинул обрез, направляя на детей по очереди. – Что вы такое?

Мальчик замер на полуслове, оставив открытым рот. Катя... или то, что приняло ее облик, смотрело спокойно. Ждало.

– Дима, – я осторожно сделал шаг к брату. – Целься в девочку. Только в нее.

– Мы не можем знать наверняка. А вдруг они оба? Мы же не можем, Серег, да? – ствол продолжал ходить неровной дугой.

– Дима... – я хотел подобрать слова, выразить догадку, но осекся. В нос ударил запах сырого мяса.

Вряд ли остался хоть кто-нибудь, знающий, как пахнет настоящее мясо, но все почему-то сходились во мнении, что это именно он. Невозможно предсказать следующий Самосбор, случится он завтра или через несколько месяцев. Известно лишь одно: это будет всегда не вовремя.

Прежде, чем я успел договорить, свет над головой сменился огнями тревоги, а по ушам резанула сирена.

Девочка одним прыжком оказалась около Славы, толкнула его в спину, отчего мальчик сделал несколько шагов, нелепо размахивая руками в попытке удержать равновесие.

Грохот выстрела на секунду заглушил орущие динамики. К запаху мяса примешалась вонь пороха.

Смех, тот же самый, что и вчера. Я вырвал из рук остолебеневшего Димы обрез и успел выстрелить из второго ствола. Тварь рухнула у самых ног, подмяв оставленную на полу сумку с консервами.

Мы пятились, не в силах отвести взгляд от детских тел. Мальчик лежал без движения, девочка тряслась в конвульсиях. Она меняла форму, словно пластилиновая фигурка под детскими пальцами, платье втянулось в кожу, руки выросли в локтях... Я на ощупь перезарядил обрез, уронив несколько патронов, которые мы предусмотрительно поделили поровну.

– Надо бежать, – потянул Диму за руку. – Живее!

Датчики срабатывают заранее, у жителей есть от трех до пяти минут после начала тревоги, чтобы убраться с этажа или спрятаться за рабочей гермодверью. А значит, нужно бежать быстро. Я привычно вскинул запястье и выругался, не обнаружив часов.

Тяжелая сумка оттягивала плечи, откуда-то под ноги прилетел резиновый мяч. Ботинки рвали плотную дымку багрового тумана, еще одного предвестника Самосбора.

Поворот.

Второй.

Теперь я видел их, в углах и коридорах: вытянутые фигуры без одежды и лиц. Поверхность их белесых тел постоянно двигалась, словно стекая восковыми каплями, а тонкие жерди лап тянулись навстречу...

– *Надо бежать...*

– *Сергея!*

– *Мы не можем знать наверняка...*

– *Целься в девочку!*

Обрывки наших фраз, наши голоса отовсюду.

Дима вырвался вперед. Он бежал налегке, так и не забрал свой рюкзак. Возникшее перед ним существо быстро менялось: обозначились плечи, шея втянулась, пластилиновое тело приняло форму человеческого, восковая кожа отделилась и позеленела, превратившись в химхлат. Лишь руки остались прежней длины, прижав брата к стене.

Я подбежал ближе и заглянул в серые глаза... Вздернутый нос, светлые волосы. неаккуратно торчащая щетина... Я выстрелил в свое лицо сразу с двух стволов.

– Нормально? – с трудом выдавил сквозь одышку.

Дима кивнул. В том месте, где его схватила тварь, на гимнастерке выступила кровь.

За следующим поворотом показалась шахта. Сколько осталось? Самосбор может появиться в любую секунду, и тогда лучше бы нас сожрали монстры подвала.

Меня ударили в спину, и я покатился вперед кубарем, вскочил, не теряя скорости, за несколько рывков влетел в кабину. Правое колено и рука отозвались болью, но в плечах полегчало. За спиной грохотали консервы – видимо, когти распороли мешок. Обрез остался лежать в багровой мгле.

На четвертом я осмелился обернуться. Но никто не карабкался за нами из темноты, фонарик осветил лишь туман, тянувшийся из кабины через люк.

– Он словно поднимается... – пробормотал я, потирая саднящее запястье. – Как твои раны?

Дима сидел рядом и ерошил волосы побелевшими руками.

– Он был нормальный. А я стрелял в него, Сергей. Я убил ребенка! – Губы дрожали, мокрые от слез. – Я не хотел так... я не...

– Знаю. – Я обнял брата, прижал к себе, сколько хватило сил. Хотелось выдавить всю боль из этого тела, забрать себе. – Он был таким же, слышишь? Такой же тварью. Ты никого не убивал.

Ложь, за которую мне никогда не будет стыдно. Дима вырвался из моей хватки.

– Зачем ты так говоришь? Нет, я видел, это был мальчик, Славка, понимаешь? Это был он!

– Дима, брат...

Из шахты потянуло мясом. Над головой взревела сирена.

– Да твою ж мать!

Дима вскочил и бросился к лестнице. Прежде чем бежать за ним, я плюнул на распоротый вещмешок. Там ничего не осталось.

Самосбор может занять один этаж, а может расползтись на все пятьдесят. По одной из многочисленных догадок, так он преследует бегущих, хоть Вовчик и утверждает, что это бред. Но даже бывший ликвидатор не знает всей правды, потому-то здесь каждый и верит в удобное.

– погоди, – я окликнул брата на шестом. Отсюда сирена слышалась слабее. – Да не лети ты так!

– Я должен сказать им сам! – бросил он через плечо.

Пришлось высказать все, что думал в тот момент об этой затее, но догнать упряма мне удалось лишь у квартиры напротив. Мы секунду пятались на узкую полосу света из приоткрытой двери. Здесь никто не оставляет гермозатворы открытыми, тем более ночью.

Дима вошел первым.

Пропитанный кровью ковер я увидел уже из-за спины брата. Два тела с обглоданными лицами смотрели в потолок остекленевшими зрачками. Ноги сами погнали меня обратно в прихожую.

Я прислонился к стене и закрыл глаза. Так легче, когда ничего нет. Эмоции слились воедино, мягкие, словно пластилиновые твари, они меняли одну причудливую форму на другую. Всмотрелся во тьму, пытаюсь различить хоть что-нибудь, но понял: осталась лишь усталость.

– Это я предложил спуститься. Дважды я. Если бы не... – донеслось из комнаты.

– А я притащил тварь сюда. – В ответ захотелось рявкнуть. – Не смей мазаться этим дерьмом в одиночку. Не мы их убили, черт бы тебя драл!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.